

А. В. Соколов

ВОПРОШАЯ БУДУЩЕЕ...

Размышления над монографией И. Д. Тузовского «Светлое завтра?»¹

Анализируется концепция антиутопической футурологии, развиваемая в монографии культуролога И. Д. Тузовского «Светлое завтра?». Отмечается конструктивность предложенных автором определений утопии и антиутопии, а также фундаментальное эпистемологическое значение представленной в книге системы прогностического знания. Подчеркиваются справедливость и обоснованность критики футурологических теорий информационного общества. Выдвигается предложение о включении материала монографии в содержание вузовских курсов гуманитарного профиля и подготовке учебного пособия (курса лекций), обобщающего содержание новаторского исследования И. Д. Тузовского.

Ключевые слова: антиутопия, утопия, футурология, информационное общество.

The author analyzes anti-utopia futurology concept developed by I. D. Tuzovsky in his monograph «Radiant future?» The article points out the constructivity of the author's definitions of utopia and anti-utopia as well as fundamental epistemological meaning of the prognostic knowledge system given in the book. Informational society futurological theories criticism fairness and reasonableness is paid much attention in the article. The author proposes to include some chapters of the monograph to the tutorials (lecture courses) of arts high schools, summing up the content of the innovatory research carried out by I. D. Tuzovsky.

Key words: anti-utopia, futurology, informational society.

Изданная Челябинской государственной академией культуры искусств монография И. Д. Тузовского не может не привлечь внимания. Автор, выступая, скорее, в качестве антиутописта, метафоричное заглавие «Светлое завтра» иронически сопровождает знаком вопроса. Интригует подзаголовок «Антиутопия футурологии и футурология антиутопий». Задумываюсь. Что такое «антиутопия футурологии»? Если антиутопия – отрицание утопических проектов будущего, а футурология – общее учение о будущем, состоящее преимущественно из утопий и антиутопий, то «антиутопия футурологии» есть отрицание утопической футурологии и утверждение антиутопической футурологии. Получается: антиутопия футурологии = антиутопическая футурология. Несомненно, что антиутопическая футурология как самостоятельное направление в футурологической науке имеет право на существование, и книга И. Д. Тузовского убедительно это право подтверждает. Зато, признаюсь, выражение «футурология антиутопий» поставило меня в тупик. Дословно оно обозначает «учение о будущих (футурология) отрицаниях утопических проектов будущего (антиутопии)», так сказать «футурологию второй степени», которую затруднительно представить. Обращаюсь к содержанию книги и обнаружи-

ваю, что под «футурологией антиутопий» понимается не предвосхищение появления будущих антиутопических сценариев, а собрание уже существующих антиутопий, т. е. один из разделов футурологии «первой степени». У неподготовленного читателя возникает подозрение, что автор в обоих случаях имеет в виду «антиутопическую футурологию», только называет ее по-разному: то «антиутопия футурологии», то «футурология антиутопий». Если это действительно так, то изысканно-изящное заглавие монографии И. Д. Тузовского упрощается до двух ключевых слов: *Светлое завтра? Антиутопическая футурология.*

Готов признать, что такая правка неадекватно отражает масштабный авторский замысел, который часто выходит за пределы антиутопической футурологии. И. Д. Тузовский формулирует его как «исследование дискурса будущего в современном социокультурном пространстве», которое имеет «как теоретическую природу поиска смыслов человеческого бытия и исторического развития цивилизации в целом, так и вполне прикладной характер базиса практики управления» (с. 11). Подобное исследование, если его осуществлять логично и последовательно, неизбежно охватит проблемное поле Всемирной федерации исследований будущего и Международной академии исследований будущего, т. е. станет одной из версий прогностики или альтернативистики. Осторожный схоласт-футуролог ограни-

---

¹ Тузовский И. Д. Светлое завтра? Антиутопия футурологии и футурология антиутопий / И. Д. Тузовский; Челябин. гос. акад. культуры и искусств. Челябинск, 2009. 312 с.

чил бы некоторыми частностями, но исследователь Тузовский избрал другую методологию. Он не отказывается от панорамного видения проблемного поля футурологии, но не ставит безумную задачу обработать это поле. Он предпочитает не утвердительную, а вопросительную модальность и мудро замечает: «В конце концов, с авторской точки зрения, там, где дело касается будущего, правильно поставленный вопрос оказывается важнее ответа, в силу больших сомнений в его истинности» (с. 13).

Первая глава «Будущее в системе гуманитарного знания» показывает результаты применения вопросительной модальности. И. Д. Тузовский не боится обсуждать такие философско-мировоззренческие вопросы, как различные ипостаси и разновидности времени, образы будущего и картины мира, наконец, место футурологии и антиутопии в системе прогностического знания. Он демонстрирует широкую эрудицию, искреннее уважение к фундаментальным научным проблемам и порой предлагает собственные варианты их решения.

Отважный исследователь не рискнул верифицировать природу и сущность категории времени, но его разработка образа будущего представляется многоаспектной и вполне конструктивной. Вот она: образ будущего – «комплекс социальных ожиданий относительно перспектив развития социума, основанный на явлениях актуальной социальности, научной прогностике, творческом осмыслении и индивидуальных переживаниях носителя, воплощенный ментально, вербально и/или визуально, имеющий четкую эмоциональную и ценностную наполненность (“хорошее” или “плохое” будущее) и оказывающий влияние на настоящее».

В качестве мелкого дефекта отмечу, что, обсуждая в параграфе 1.2.5 «Таланты прогнозиста, или Оракул против Машины Тьюринга» таланты живых прогнозистов, автор забыл объяснить, что представляет собой Машина Тьюринга, и зачем она понадобилась для раскрытия образа будущего.

Фундаментальное эпистемологическое значение имеет система прогностического знания, предложенная И. Д. Тузовским (с. 46–63). Постулируются три уровня прогнозирования: 1) мистико-прогностический, или религиозный – источник предсказаний, пророчеств, откровений; 2) авторитетный, где творческий индивид с «минимально необходимой аргументацией» представляет вероятные картины будущего; 3) научный, использующий научные методы (статистический анализ, экстраполяция и др.). Уровни прогнозирования играют важ-

ную организующую роль в исследовании Тузовского, потому что они позволяют разграничить антиутопии и футурологию. Антиутопии относятся ко второму, «авторитетному» уровню прогнозирования, потому что они базируются на таланте самого писателя, в них первичны «фантазия и гротеск, субъективные черты будущности вообще». Футурология располагается на третьем уровне, так как она «декларирует первичность своей научности и лишь затем, как необходимый инструмент, привлекает интуицию, воображение и пр.» (с. 53). Вспоминается, что в начале книги автор разграничивал антиутопии и футурологические прогнозы по-другому, исходя из эмоциональной установки: «Антиутопии имеют “фиксированную” пессимистическую позицию относительно человеческого будущего. А футурология, в подавляющем большинстве случаев, стоит на оптимистических позициях» (с. 12). Выходит, что второй уровень прогностического знания окрашен пессимизмом, а третий – оптимизмом. Однако дело не так просто, ибо вторая глава называется «Оптимистическая антиутопия футурологии...» Значит, помимо пессимистических антиутопий есть еще оптимистические антиутопии, а кроме оптимистической футурологии есть еще антиутопическая футурология, предметом которой, как мы установили в начале статьи, является «Светлое будущее?» Где место этих произведений в системе прогностического знания? Попробуем сообразить.

Ясно, что сбивает с толку смешение разных оснований деления прогностического знания: а) по источнику получения – субъективная фантазия творца или претендующий на объективность результат научного исследования; б) по эмоциональному пафосу – пессимизм или оптимизм.

Очевидно, что фантастические картины будущего, нарисованные авторитетными субъектами, могут быть пессимистическими – это антиутопии или оптимистическими – это, надо думать, утопии. Аналогично ученые-прогнозисты предлагают как оптимистические сценарии глобализации, так и пессимистические сценарии экологической катастрофы и столкновения цивилизаций. Несомненно, И. Д. Тузовский прекрасно понимает, что все уровни прогнозирования амбивалентны. Он категорически утверждает: «мы не сможем оперировать понятием антиутопия, не зная четко, что же такое утопия» (с. 131) и предлагает собственную, довольно четкую дефиницию: «Утопия – это виртуальная модель (образ) общества, отвечающего критериям максимально представимой автору социальной

справедливости и всеобщего счастья **в условиях стремящейся к идеалу человеческой природы**, которая альтернативна социальному настоящему и **по замыслу автора** должна выступать ориентиром будущего развития» (с. 135–136). Прекрасная дефиниция! Жаль, что она появляется не в первой главе, где речь идет о системе прогностического знания, а в третьей «Антиутопия как форма творческого осмысления вероятностной истории будущего» (с. 130–181).

Пропустим вторую главу и обратимся к содержанию остальных разделов. Здесь И. Д. Тузовский в качестве культуролога, изучающего антиутопию как «социокультурный феномен формирования и восприятия человеком образа будущего» (с. 140). Носителями и выразителями антиутопических замыслов являются различные художественные произведения – литература, кино, компьютерная программа и т. п. Предлагается следующая дефиниция: «Антиутопия – художественное произведение (не обязательно литературное), в котором представлена ценностно и эмоционально неприемлемая для автора и читателя социальная модель, номинально несущая гуманистические функции предупреждения негативных вариантов развития общества на основе альтернативных социально-политических, экономических и культурфилософских концепций» (с. 149). Более кратко И. Д. Тузовский определяет антиутопию как «форму творческого осмысления вероятной истории будущего» (с. 130). Мне последняя формулировка кажется продуктивной, так как ее можно распространить на утопию и даже представить второй («авторитетный») уровень прогностического знания как результат осмысления вероятной истории будущего творческой личностью.

Третья и четвертая главы представляют собой вдумчиво и квалифицированно выполненный аналитический обзор антиутопических произведений. Здесь «светлое будущее» осмысливается всесторонне, и представлены все разделы «антиутопической футурологии»: антиутопическая социология, антиутопическая историософия, антиутопическая антропология, антиутопическая политология и идеология. Полагаю, что материал монографии после некоторой терминологической коррекции мог бы войти в качестве увлекательного раздела в курсы культурологии, современной литературы, политологии, а еще лучше – стать основой для формирования спецкурса «Антиутопическая футурология», который заинтересует всех студентов-

гуманитариев. Во всяком случае просто напрашивается учебное пособие (курс лекций), обобщающее содержание монографии И. Д. Тузовского. Вероятно, целесообразно включить в это пособие и основные идеи второй главы, но мне кажется, что проблематика постиндустриального (информационного) общества настолько важна и актуальна, что заслуживает отдельного рассмотрения.

Поделюсь некоторыми соображениями относительно интерпретации информационного общества в монографии И. Д. Тузовского.

Культуролог Тузовский убежден, что «информационным обществом было всегда» (с. 89), ибо неинформационных человеческих сообществ, которые не общались бы при помощи естественного языка и не имели бы социальной памяти, быть не может. Чтобы проиллюстрировать некорректность технократических интерпретаций информационного общества, Тузовский не без иронии доказывает, что античный афинский полис V века до н. э. является полноценным информационным обществом. Я полностью согласен с его аргументацией. Согласен и с упреком в адрес нынешних постиндустриально-информационных концепций, которые никак не могут уяснить понятие информации. В качестве уязвимости концепции информационного общества И. Д. Тузовский выделяет «потрясающе единодушное молчание ее авторов относительно центрального термина – информации» (с. 72). Действительно, почему несмотря на могущество информационных технологий и расцвет информационных наук информация остается многоликим фантомом современного общества?

Пытливый культуролог, разбираясь в «мозаике футурологического “светлого завтра”», ненавязчиво, но настойчиво провоцирует вопросы. Если Интернет является необходимой системообразующей средой для формирования информационного общества, то в чем заключаются типические черты интернет-социальности? Почему интеллектуальная интернет-культура в качестве высших ценностей почитает количество заработанных денег и скорость, с которой они заработаны? Каковы особенности взаимодействия человека с виртуальным миром Сети? Возможно ли формирование «постчеловека» типа киборга? Что представляют собой этика и аксиология информационного общества? Как повлияет развитие цифровых технологий на традиционные институты демократии? Как ограничить аппетиты транснациональных корпораций и их власть над человечеством?

Это, конечно, не все футурологические вопросы, на которые наталкивает книга И. Д. Тузовского.

Автор хорошо знаком с зарубежными и отечественными концепциями информационного общества, оперирует произведениями Даниела Белла и Олвина Тоффлера, Владислава Иноземцева и Владимира Цаплина, но почему-то упустил из вида Владимира Путина и Дмитрия Медведева. А ведь именно В. В. Путин в 2000 г. подписал «Хартию глобального информационного общества», а в феврале 2008 г. одобрил «Стратегию развития информационного общества в России». Наконец, 20 октября 2010 г. утверждена Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 гг.) с общим ресурсным обеспечением 3 788 000 млн руб. в ценах соответствующих лет.

Подводя итог анализу футурологических концепций, И. Д. Тузовский предлагает «новый вариант решения проблемы терминологической характеристики современности». Учитывая уникальную и все более углубляющуюся разнородность современной цивилизации, синкретичное соединение отдельных черт социальности из разных традиций и временных эпох даже в рамках одного социума, ученый-новатор предлагает именовать наши дни «мульти-эра». Поддерживая это предложение, я хочу обратить внимание на некоторую незавершенность данного термина. *Мульти* означает много. Чего много в нашем обществоведении? Как показывает добросовестное исследование И. Д. Тузовского, мы имеем изобилие антиутопических концепций, явно подавляющее хилые оптимистические утопии. Следовательно, правомерно именовать наступающую новую эпоху *мультиантиутопической эрой*. Она уже началась, и монография «Светлое завтра?» – тому подтверждение.

Интернет-зависимость не может не наложить свой отпечаток на психологию научного творчества «мультиантиутопических ученых». Особенности этой психологии пока не изучены, но можно предположить, что изменение коммуникационной культуры должно сказаться на нормативах научности, стиле мышления, логике изложения. Монография

И. Д. Тузовского интересна тем, что она воплощает ряд примет грядущей научной коммуникации. Назову некоторые.

1. Глобальная сеть Интернет обеспечивает мгновенность и свободу перемещения в пространстве и во времени, пользователь чувствует себя всемогущим повелителем знания. Отсюда – дерзкая и вселенская масштабность замыслов, пренебрежение деталями и огромными потерями информации при поиске.

2. В пространстве Интернета все авторы равны, их ранжирование затруднено, нет авторитетов и классиков, поэтому отбор источников для чтения и ссылок случаен и произволен, нет критериев оценки чужих и самокритики собственных текстов.

3. Неупорядоченность, алогичность, разнородность сообщений, высокий уровень шума и информационного мусора обуславливают мозаичность сознания и памяти постоянного пользователя сети Интернет. Такому пользователю неторопливая книжная мудрость кажется старомодной и скучной. Мне кажется, что погрешности новаторского произведения Ивана Тузовского, на которые я обратил внимание в своих размышлениях, объясняются «мультиантиутопическими» причинами.

Патриарх структурной антропологии Клод Леви-Стросс (1908–2009) как-то изрек: «Настоящий ученый – это не тот, кто дает правильные ответы, а тот, кто ставит правильные вопросы». И. Д. Тузовский, построивший свою монографию в вопросительной модальности, показал себя мастером правильных вопросов. Его научный вклад в антиутопическую футурологию и теорию информационного общества мне представляется весьма ценным. Хотелось бы пожелать, чтобы в следующих работах автора прозвучали правильные вопросы относительно таких таинственных предметов постнеклассической науки, как *информационная культура, информация, коммуникация*. Я думаю, что автору, владеющему интернет-ресурсами и не чуждому сокровищ книжности, такая задача по плечу.